

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН, ИЛИ ЗАВЕРШЕНИЕ РУССКОЙ КЛАССИКИ*

Владимир Карлович Кантор

Доктор философских наук, ординарный профессор, заведующий лабораторией, главный научный сотрудник.

Международная лаборатория русско-европейского интеллектуального диалога. Главный редактор журнала «Философические письма.

Русско-европейский диалог».

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

E-mail: vlkantor@mail.ru

Аннотация. Автор показывает, что почти с первых самостоятельных своих текстов Бунин пытается постичь суть мироздания. Кажется, он просто рассказывает. Но так же просто рассказывает и Библия. Не случайно его прозу называли Священным писанием. Его творчество можно назвать завершением русского христианского реализма.

Ключевые слова: Россия, Европа, А. С. Пушкин, И. А. Бунин, просвещение, Бог как основная составляющая общечеловеческого бытия, свобода, государство

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Иван Алексеевич Бунин, или Завершение русской классики // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3, № 4. С. 12–29.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-12-29

В этом году мы отмечаем 150-летие со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953). Редко бывает, чтобы даты жизни писателя захватили практически целый исторический век. Учитывая эпоху, в которой жил и творил великий русский писатель, можно понять родословную Бунина как внутренний пафос его восприятия русской культуры.

* Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Иван Алексеевич родился 10 октября 1870 года по старому стилю в Воронеже. Через три года его отец вместе с семьей переехал в свое поместье — на хутор Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии. Через 9 лет, в 1882 году, Алексей Николаевич Бунин продал свой дом крестьянам и переселился в соседние Озёрки, где находилась усадьба, доставшаяся семье по наследству от бабушки писателя по материнской линии — Анны Ивановны Чубаровой. «Самому мне, кажется, и в голову не приходило быть меньше Пушкина, Лермонтова, — благо лермонтовское Кропотово было в двадцати пяти верстах от нас, да и вообще чуть не все большие писатели родились поблизости» (Бунин, 2006а: 14).

Иван Алексеевич Бунин.
Фотопортрет. 1915

Дом, где родился будущий писатель. По иронии судьбы, сегодня он стоит на центральной улице Воронежа, которая носит название проспект Революции

Воссозданный в 2005 году дом Буниных
в деревне Озёрки Становлянского района Липецкой области

В «Гербовнике дворянских родов» сказано, что существует несколько старинных дворянских родов Буниных, происходящих, по преданию, от Симеона Буниковского (Бунковского), имевшего знатное происхождение и выехавшего из Польши в XV веке к великому князю Василию Васильевичу. К роду Буниных принадлежали поэтесса Анна Петровна Бунина (1775–1828), поэт В. А. Жуковский, незаконнорожденный сын Афанасия Ивановича Бунина (1727–1791?).

Первое образование Иван Бунин получил у своего домашнего воспитателя — сына предводителя дворянства, учившегося когда-то в Лазаревском институте восточных языков, преподававшего в не-

скольких городах, но затем порвавшего все родственные связи и превратившегося в скитальца по усадьбам. Он владел тремя языками, играл на скрипке, рисовал акварелью, писал стихи. Первое стихотворение Бунин написал в восемь лет. В 1881 году он поступил в гимназию в Ельце, но проучился там всего пять лет,

так как на образование младшего сына у семьи не было средств.

Его дальнейшее обучение проходило в домашних условиях: полностью освоить программу гимназии, а затем и университета Ивану Бунину помог старший брат Юлий, к тому времени уже окончивший университет, пробывший год в тюрьме по политическим мотивам и высланный на три года домой.

Критика не раз замечала, что Бунин не оставил нам, как Гоголь, Толстой, Достоевский, Гончаров, героев, которые были бы могучими образами и характерами. Нет Хлестакова, Манилова, Плюшкина, Обломова, Болконского и Безухова, Раскольников и Карамазовых... Однако почти с первых самостоятельных текстов он пытается постичь суть мироздания, те энергии, которые им управляют. Кажется, он просто рассказывает. Но так же просто рассказывает и Библия. Не случайно один из глубочайших аналитиков Федор Августович Степун назвал прозу Бунина Священным писанием. Она помогает понять темные и светлые силы, существующие в человеческом мироустройстве.

Бунин был верующим человеком. Об этом и ранние его рассказы, и стихи: над миром для Бунина постоянно существует тема Бога. Приведу наиболее выразительное:

Во имя Бога, вечно всеблагого!
Он, давший для писания тростник,
Сказал: блюди написанное слово
И делай то, что обещал язык.

Приняв закон, прими его вериги.
Иль оттолкни — иль всей душою чти:
Не будь ослом, который носит книги
Лишь потому, что их велят нести.
Закон, <1906–1907> (Там же: 216)

Эти вериги сам Бунин носил всю жизнь. Вера его была удивительно естественная. Она не закрывала ему глаза — он видел реальность. Ибо не был идеологом в вере.

Иван Бунин.
Фото. 1891

«Года за два до поступления в гимназию (поступил я туда на одиннадцатом году) я испытал <...> страсть — к житиям святых, и начал поститься, молиться. Страсть эта, вначале сладостная, превратилась затем, благодаря смерти моей маленькой сестры Нади, в мучительную, в тоску, длившуюся целую зиму, в постоянную мысль о том, что там за гробом. Излечила меня, помню, весна. Отзвуком этого осталось то упоение, с каким отдавался я иногда печали всеобщих бдений в елецких церквях, куда водило нас, гимназистов, наше начальство, хотя вообще церковных служб я не любил. (Теперь люблю — в древних русских церквях и иноверческие, то есть католические, мусульманские, буддийские — хотя никакой ортодоксальной веры не держусь.)» (Там же: 12–13).

Он увидел Бога как основную составляющую общечеловеческого бытия. Бог, любовь и смерть — не просто предмет описания в его творчестве, он прозревает в мире эти три сущности в разных обличьях.

И еще одно составляющее его художественной устойчивости — вера в слово. Державин говорил, что не уцелеет и слово. Стоя перед гробницей Эсхила, Бунин думает о протекших тысячелетиях и оставшемся слове:

<...> ты,
Незримый в мире двадцать пять столетий,
Незримо в нем присутствуешь донныне,
И пред твоею славой легендарной
Бессильно Время. — Рок неотвратим.
Эсхил, <1906–1907> (Там же: 171)

Подытоживая свои наблюдения над провалом в революции безумных иллюзий народолюбцев, монархистов, Бунин восклицал: «Вся беда (и страшная), что никто даже малейшего подлинного понятия о “российской истории” не имел» (Бунин, 2006е: 306). А ведь именно история воспитала у нас определенный тип отношения к жизни, который действует и ныне.

Именно чувства меры, индивидуального, собственного умения самоограничиваться не возникло, не сложилось в историческом воспитании народа. Вся его судьба была соткана из перемежавшихся типов насилия и произвола, где для проявления индивидуальной самодеятельности не было ни времени, ни возможностей. В результате преобладание в нашей ментальности получила *прихоть*, свойственная скорее детям, не имеющим представления о мире и обществе как сложном организме, подчиненном определенным законам. Взросление народа происходит через развитие чувства личностной ответственности за свои поступки. Пока этого чувства нет — господствует *карамазовский безудерж*.

Иван Бунин.
23 декабря 1902 года

«Прадеда Красовых, прозванного на дворне Цыганом, затравил борзыми барин Дурново. Цыган отбил у него, у своего господина, любовницу. Дурново приказал вывести Цыгана в поле, за Дурновку, и посадить на бугре. Сам же выехал со сворой и крикнул: “Ату его!” Цыган, сидевший в оцепенении, кинулся бежать. А бегать от борзых не следует» (Бунин, 2006а: 279).

Как видим, «Деревня» (1909) начинается почти с цитаты из «Братьев Карамазовых». Я имею в виду рассказ Ивана Карамазова о генерале, затравившем мальчика борзыми. Бунинская деревня как бы подводит итоги русских тем. Достоевский с одной стороны, призывал позвать «серые зипуны», чтоб они сказали настоящую правду», с другой — рисовал

«карамазовский безудерж», который и разворачивается в Дурновке. Как раз такой, охваченной безудержем и безоглядностью, увидел и показал постреволюционную Россию в «Окаянных днях» Иван Бунин, уже не веривший — в отличие от автора «Братьев Карамазовых» — в якобы глубоко хранимый русским мужиком идеал христианской жизни:

«Нет никого материальной нашего народа. Все сады срубят. Даже едя и пья, не преследуют вкуса — лишь бы нажраться... Попробуй-ка введи обязательное обучение! С револьвером у виска надо ими править. А как пользуются всяким стихийным бедствием, когда все сходит с рук, — сейчас убивать докторов (холерные бунты), хотя не настолько идиоты, чтобы вполне верить, что отравляют колодцы. <...> Участвовать в общественной жизни, управлении государством — не могут, *не хотят* за всю историю» (Бунин, 2017: 123).

Именно эта позиция — отстаивания базовых ценностей в стране, которая так или иначе связана генетически с христианством, рождала стоический характер русских европейцев, помогая им не потерять себя в хаосе и разброде XX столетия. В материковой России, как писал Бердяев, происходил в тот момент от-

Иван Алексеевич Бунин.
1912 год

каз от наследия Петра и Пушкина, что означало решительную антиевропеизацию России¹. И эта духовная стойкость позволила им сохранить понимание России как европейской страны, просто волею обстоятельств, течением событий оказавшейся временно по ту сторону Европы, как и другие чуть позже — западноевропейские страны (Германия, Италия). В своем выступлении «Миссия русской эмиграции» (Париж, 16 февраля 1924) Бунин сформулировал кредо возникшей русской диаспоры:

«Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов. <...> Но численность наша еще далеко не все. Есть еще нечто, что присваивает нам некое на-

значение. Ибо это не что заключается в том, что поистине мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся. <...> В чем наша миссия, чьи мы делегаты? От чьего имени дано нам действовать и представлять? Поистине действовали мы, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего Божеского образа и подобия. И еще — от имени России: не той, что предала Христа за тридцать сребреников, за разрешение на грабеж и убийство и погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъяремной, страждущей... <...> А кроме того есть еще нечто, что гораздо больше даже и России, и особенно ее материальных интересов. Это — мой Бог и моя душа. “Ради самого Иерусалима не отрекусь от Господа!” Верный еврей ни для каких благ не отступится от веры отцов. Святой Князь Михаил Черниговский шел в Орду для России; но и для нее не согласился он поклониться идолам в ханской ставке, а избрал мученическую смерть» (Бунин, 2006f: 389–395).

Но об этом же пишет и великий русский философ Вл. Соловьев:

«Религия запрещает нам почитать ограниченные предметы вместо бесконечного Божества; такие обожествленные предметы она осуждает как идолы и служение им

¹ Позже, правда, стало понятно, что можно и вернуться к Пушкину, объявив его «сталинским» поэтом.

как идолопоклонство. Точно так же в нравственной и социально-политической жизни, если частные интересы какой бы то ни было группы людей ставятся на место общего блага и преходящие факты идеализируются и выдаются за вечные принципы, то получают не настоящие идеалы, а только идолы. И служение этим сословным, национальным и прочим идолам, как и идолам языческих религий, непременно перейдет в безнравственные и кровожадные оргии» (Соловьев, 2007: 466–467).

Мы помним у Тютчева:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

<...>

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.
«Эти бедные селенья,..» (1855)

А вот ответ Бунина Тютчеву:

Я не люблю, о Русь, твоей несмелой
Тысячелетней, рабской нищеты.
«В лесу, в горе, родник, живой и звонкий...» (1905)

Бунин много путешествовал по миру. Интересно, что одновременно со страшной «Деревней» он пишет цикл зарисовок об Иудее «Тень Птицы», прикасаясь к библейским истокам культуры. После бунинской «Деревни» изображать крестьян в тоне народнической идеализации стало невозможно. А взгляд на русскую деревню выработался у писателя отчасти под влиянием путешествий. Художник П. А. Нилус считал, что зарубежные путешествия воспитали его дух, привели к отказу от идеализации народа, что протрезвление по поводу собственной культуры пришло «*после резкой заграничной оплеухи*». Бунин весь антимифологичен, что в эпоху тоталитарных мифов было заслугой и стойкостью. Свой этический идеал он выработал под влиянием Сократа, выступившего против (мифологических) воззрений своих соплеменников и казненного за это народом. Воззрения Сократа изложены в сочинениях его учеников Ксенофонта и Платона, которые читал русский писатель. Бунина восставший народ не казнил, но изгнал. Стоит, однако, подчеркнуть, что, споря с мифологами XIX и XX веков, он превосходил их подлинностью своей человеческой личности.

Но при этом он никогда не ставил себе задач подменить собой, скажем, Христа, как Толстой. У Бунина в «Освобождении Толстого» есть одно очень важное соображение. Рассуждая о судьбе Толстого, он вспоминает знаменитое место в Евангелии о дьяволовом искушении Христа славой мира сего. Христос отказывается. Но в связи с этим невольно напрашивается сравнение двух смертей — Христа и Толстого. Первый умер в неизвестности на кресте, сопровождаемый горсткой напуганных учеников. Второй умирает в сиянии славы, весь мир следит за каждым его вздохом, толстовство исповедуется тысячами людей, о нем пишут ученые как о грандиозном религиозном явлении. И Бунин задается вопросом: результат смерти Христа нам известен. А каков будет результат учения Толстого? Бунин, как Сократ, прежде всего был верен своему гению, который сидел в нем.

Бунин. Фотопортрет.
Париж, 1928

* * *

Как писал Степун, «та свобода и самостоятельность, с которыми Бунин прошел и мимо всех эстетических нарочитостей декадентства, и мимо всех политических утробностей общественности, представляются поэтому мне поистине замечательными. Этой царственной свободе, укорененной в твердом, инстинктивном знании того, что ему, т. е. его таланту, нужно и что не нужно, он прежде всего и обязан всем тем, чего он достиг. А достиг Бунин, в известном смысле, абсолютного, ибо он достиг, по-своему, непреложного» (Степун, 2000: 682).

Хотелось бы лишь мимоходом указать на один очень интересный формальный прием, которым Бунин часто пользуется в своих рассказах и который весьма убедительно подтверждает мою мысль о его художественной скупости. Дело в том, что целый ряд бунинских рассказов («Петлистые уши», «Преображение», «Чаша жизни» и т. д.) построен по одному и тому же принципу: там, действительно, рассказаны лишь начало и конец. Середина же, словно лощина меж двух холмов, скрыта от читательского глаза. Благодаря такому расположению сюжет-

но-эмоционального центра рассказа Бунин достигает, во-первых, очень большой емкости своих, в общем, очень коротких вещей, а во-вторых, освещения их плоскостей и линий каким-то своеобразно иррациональным светом, льющимся из укрытого от читательских глаз источника.

У Бунина любовь и смерть связаны не в нетленности, а в тленности, объединены не Воскресением, а смертью, не ликом, а безликостью. И это страшное объединение метафизически глубоко верно: ведь Бунин соединяет в памяти героя и его муке («Митина любовь») совсем не любовь и смерть, но пол и смерть.

В романе «Жизнь Арсеньева» Бунин писал:

«У нас нет чувства своего начала и конца. И очень жаль, что мне сказали, когда именно я родился. Если бы не сказали, я бы теперь и понятия не имел о своем возрасте, — тем более, что я еще совсем не ощущаю его бремени, — и, значит, был бы избавлен от мысли, что мне будто бы полагается лет через десять или двадцать умереть. <...> Да и правда ли, что не подозревал бы? Не рождаемся ли мы с чувством смерти? А если нет, если бы не подозревал, любил ли бы я жизнь так, как люблю и любил?» (Бунин, 2006d: 7).

И ближайший друг Бунина прекрасный писатель Марк Алданов, заметил, что

«тема нашего знаменитого писателя, увенчанного теперь Нобелевской премией, главная его тема — смерть. Гольбейну какой-то художник заказал рисунки для дорогого шрифта — художник вместо заглавных букв, концовок, заставок, нарисовал скелеты, гробы, могильные кресты. Этим гольбейновским Алфавитом смерти написаны многие книги Бунина» (Алданов, 1996: 523).

* * *

Пушкин чувствовал, что через него говорит европейская культура, об этом напомнил Достоевский, назвав его всеевропейцем, именно это усвоение позволило ему остаться истинно русским писателем, родоначальником русской культуры, абсолютным художником Возрождения в смелости решения основных тем — любви, смерти, народа. Бунин, завершающий великую русскую литературу, равен Пушкину своей возрожденческой сутью. На первый взгляд, он меньше обращается к Европе, чем Пушкин. Но это не так: он перевел из Лонгфелло «Песнь о Гайавате» и четыре фрагмента «Золотой легенды», «Годиву» Теннисона, три мистерии Байрона («Каин», «Манфред», «Небо и Земля»). Он столь много ездил по всему миру, чего был лишен Пушкин, и это позволило ему напрямую черпать из сокровищницы (впитать самый сок) мировой культуры.

Известно, что Бунин не очень любил Достоевского. Не любил его мифологический строй ума. Но ужасы, увиденные, услышанные, угаданные Достоевским

как предупреждение современникам, как пророческое заклинание не идти этим путем, Бунин вдруг увидел в стихии русской жизни. Пророк говорит, как не надо жить, а то Бог проклянет. Об этом в «Бесах» пророчит Достоевский. В «Окаянных днях» нет пророчеств, но есть проклятия, когда земной ад и ужас воцарились на Земле, а мир был превращен в «преисподнюю небытия» (Степун). Поразительно, что именно Бунин-завершитель подхватывает исходную линию пушкинской гениальной поэмы «Медный всадник»: злые волны, как шайка разбойников, губят начало русской цивилизации.

Тут же возникает и тема Платона Каратаева: а возможен ли он в русской деревне, или это идеологический миф? Скажем, многие пытались противопоставить мифу большевизма или нацизма — миф святой русской деревни, соборности, миф русского народа, готового к перестройке мира и т.п. Все тексты Бунина, просветленные, духовные, направлены против мифов общественного сознания.

Бунин был человеком, предчувствующим надвигающуюся жизнь. Летом 1916 года он написал:

Вот рожь горит, зерно течет,
 Да кто же будет жать, вязать?
 Вот дым валит, набат гудет,
 Да кто ж решится заливать?
 Вот встанет бесноватых рать
 И, как Мамай, всю Русь пройдет...

Канун (Бунин, 2006b: 88)

Надвигались окаянные дни. Окаянными называли на Руси бандитов. Окаянный Ванька Каин. Главным бандитом Бунин увидел Ленина, заметив при этом, что бандитизм не состоялся, если бы с ума не сошла вся Европа. Чтобы достигнуть огромной власти, писал Бунин, нужна

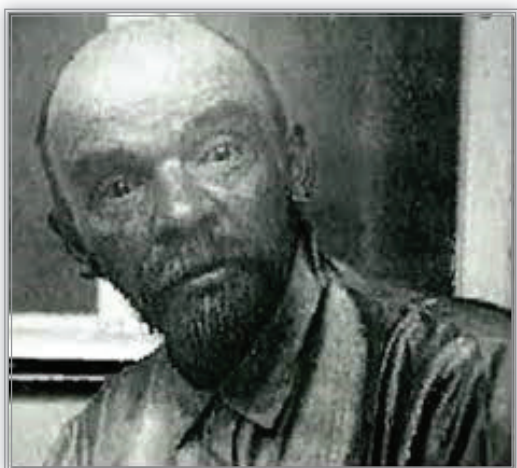
«великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колено ходить в крови. Главное же надо лишить толпу “опиума религии”, дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот “планетарный” скот — другое дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские фотографы снимали его, он поминутно высовывал язык: ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул

И. А. Бунин. 1936

сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе, в своем красном гробу, он лежал, как пишут в газетах, с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! Соратники его, так те прямо пишут: “Умер новый бог, создатель Нового Мира, Демиург!”» (Бунин, 2006f: 393).

Как написал Алданов, «Ленин, вероятно, не претендует на литературное бессмертие, а ведь такие “цельные” натуры довольно редки за пределами сумасшедших домов, подобная цельность даже сообщает им определенную силу, как свидетельствует о том его пример» (Алданов, 2007: 465). Бунин — один из наиболее страстных наших писателей. То, что при-

В. И. Ленин.
Последняя фотография

Окаянные дни.
Собрание сочинений
И. А. Бунина.
ПЕТРОПОЛИСЬ. Т. X. 1935.
Воспроизводится по обложке
репринтного издания:
Бунин И. А. Окаянные дни.
М.: Советский писатель, 1990

нимают в нем за холодность, — не холодность, а сдержанность. Человек, говорящий спокойно, с руками, заложенными за спину, естественно должен казаться менее страстным, чем громогласный и выразительно жестикулирующий. Но достаточно внимательно заглянуть в глаза обоим, чтобы сразу понять, насколько в сдержанности больше страстности, чем в распушенности.

* * *

В 1915 году в разгар Первой мировой Бунин увидел, почувствовал и показал в своем маленьком шедевре — рассказе «Господин из Сан-Франциско» (с подзаголовком «Апокалипсис») — наступавшее крушение Западной Европы. В каком-то смысле это парафраз новеллы Томаса Манна «Смерть в Венеции» (1912) и предчувствие будущего России: сложной коллизии изгнанничества и невозможности возвращения на родину для русских интеллектуалов. И опять здесь звучит подмеченная Марком Алдановым тема смерти...

«Тело же мертвого старика из Сан-Франциско возвращалось домой, в могилу, на берега Нового Света. Испытав много унижений, много человеческого невнимания, с неделю пространствовал из одного портового пакгауза в другой, оно снова попало, наконец, на тот же самый знаменитый корабль, на котором так еще недавно, с таким почетом везли его в Старый Свет. Но теперь уже скрывали его от живых — глубоко спустили в просмоленном гробе в черный трюм. И опять, опять пошел корабль в свой далекий морской путь. Ночью плыл он мимо острова Капри, и печальны были его огни, медленно скрывавшиеся в темном море, для того, кто смотрел на них с острова. Но там, на корабле, в светлых, сияющих люстрами и мрамором залах, был, как обычно, людный бал в эту ночь.

Был он и на вторую и на третью ночь — опять среди бешеной вьюги, проносившейся над гудевшим, как погребальная месса, и ходившим траурными от серебряной пены горами океаном. Бесчисленные огненные глаза корабля были за снегом едва видны Дьяволу, следившему со скал Гибралтара, с каменистых ворот двух миров, за уходившим в ночь и вьюгу кораблем. Дьявол был громаден, как утес, но еще громаднее его был корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем. Вьюга билась в его снасти и широкогорлые трубы, побелевшие от снега, но он был стоек, тверд, величав и страшен. На самой верхней крыше его одиноко высились среди снежных вихрей те уютные, слабо освещенные покои, где, погруженные в чуткую и тревожную дремоту, надо всем кораблем восседал его грузный водитель, похожий на языческого идола. Он слышал тяжкие завывания и яростные взвизгивания сирены, удушаемой бурей, но успокаивал себя близостью того, в конечном итоге для него самого непонятного, что было за его стеною той большой как бы бронированной каюты, что то и дело наполнялась таинствен-

ным гулом, трепетом и сухим треском синих огней, вспыхивавших и разрывавшихся вокруг бледнолицего телеграфиста с металлическим полуобручем на голове. В самом низу, в подводной утробе “Атлантиды”, тускло блистали сталью, сипели паром и сочились кипятком и маслом тысячепудовые громады котлов и всяческих других машин, той кухни, раскаляемой исподу адскими топками, в которой варилось движение корабля, — клокотали страшные в своей сосредоточенности силы, передававшиеся в самый киль его, в бесконечно длинное подземелье, в круглый туннель, слабо озаренный электричеством, где медленно, с подавляющей человеческую душу неукоснительностью, вращался в своем масленистом ложе исполинский вал, точно живое чудовище, протянувшееся в этом туннеле, похожем на жерло. А середина “Атлантиды”, столовые и бальные залы ее изливали свет и радость, гудели говором нарядной толпы, благоухали свежими цветами, пели струнным оркестром. И опять мучительно извивалось и порою судорожно сталкивалась среди этой толпы, среди блеска огней, шелков, бриллиантов и обнаженных женских плеч, тонкая и гибкая пара нанятых влюбленных: грешно скромная, хорошенькая девушка с опущенными ресницами, с невинной прической рослый молодой человек с черными, как бы приклеенными волосами, бледный от пудры, в изящнейшей лакированной обуви, в узком, с длинными фалдами, фраке — красавец, похожий на огромную пиявку. И никто не знал ни того, что уже давно наскучило этой паре притворно мучиться своей блаженной мукой под бесстыдно-грустную музыку, ни того, что стоит гроб глубоко, глубоко под ними, на дне темного трюма, в соседстве с мрачными и знойными недрами корабля, тяжело одолевающего мрак, океан, вьюгу...» (Бунин, 2006с: 91–93).

Васильевское. 10. 1915

* * *

«Жизнь Арсеньева» — роман-освобождение от идеологических догм XX века, противоядие, которое дается свободному человеку, чтоб он мог сохранить свою душу. Эту книгу можно назвать исповеданием веры последнего великого русского писателя:

«Когда и как приобрел я веру в Бога, понятие о нем, ощущение Его? Думаю, что вместе с понятием о смерти. <...> Соединено с Ним было и бессмертие. Бог — в небе, в непостижимой высоте и силе, в том непонятном синем, что вверху, над нами, безгранично далеко от земли: это вошло в меня с самых первых дней моих, равно, как и то, что невзирая на смерть, у каждого из нас где-то в груди душа, и что душа эта бессмертна» (Бунин, 2006d: 24).

За роман была получена Нобелевская премия. Многие называли его «феноменологическим романом», о самой сути сознания, но решенном удивительно

И. А. Бунин после вручения Нобелевской премии на торжественном приеме по случаю праздника Святой Люсии (Люции) 13 декабря 1933 года

просто: через биографию некоего Арсеньева, напоминающую биографию Бунина. Романом, решающим не биографические, не мемуарные задачи, а проблему судьбы человека, который живет в обществе, подвержен многим его грехам, но потихоньку шаг за шагом выходит в пространство мирового бытия.

Официальная советская пресса объяснила решение Нобелевского комитета про-исками империализма. В 1939 году, после начала Второй мировой войны, Бунины поселились на юге Франции, в Грассе, на вилле “Жаннет”, где и провели всю войну. Бунин отказывался от любых форм сотрудничества с нацистскими оккупантами и старался постоянно следить за событиями в России. В 1945 году Бунины вернулись в Париж. Иван Алексеевич Бунин думал о возврате в Россию, “великодушной мерой” назвал в 1946 году указ советского правительства “О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи...”, но постановление Жданова о журналах “Звезда” и “Ленинград” (1946), растоптавшее А. Ахматову и М. Зощенко, привело к тому, что Бунин навсегда отказался от намерения вернуться на Родину.

Надо понять эпоху, когда писалось это великое произведение. Десятки, сотни идеологий пытались доказать свою правоту и взять власть над миром — нацизм, большевизм, фашизм, евразийство и т. д. Бунин словно не видит их.

Дом, где в 1933 году Федор Степун встречал в Дрездене Ивана Бунина после присуждения ему Нобелевской премии

Бунин И. А.
Фото. Париж, 1937 год

Последние годы писателя прошли в нищете. Умер Иван Алексеевич Бунин в Париже. В ночь с 7 на 8 ноября 1953 года, через два часа после полуночи Бунина не стало: он умер тихо и спокойно, во сне. На его постели лежал роман Л. Н. Толстого «Воскресение». Похоронен Иван Алексеевич Бунин на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, под Парижем. Посмертная судьба его удивительна. Он был признан на Родине, стал князем от князей русской литературы. Потом и в Советском Союзе. Мировой классик.

И все же стоит завершить текст о Бунине, процитировав кредо, не раз высказанное писателем:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.
Слово, 1915 (Бунин, 2006b: 34–35)

Литература

- Алданов, 1996 — *Алданов М. А. Ульмская ночь*. М.: Новости, 1996. 610 с.
- Алданов, 2007 — *Алданов М. А. Ленин. Политическая биография // Алданов М. А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7*. М.: ТЕРРА, 2007. С. 453–605.
- Бунин, 2006а — *Бунин И. А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 1. Стихотворения (1888–1911); Рассказы (1892–1901)*. М.: Воскресенье, 2006. 576 с.
- Бунин, 2006b — *Бунин И. А. Деревня // Бунин И. А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 2*. М.: Воскресенье, 2006. С. 279–388.
- Бунин, 2006с — *Бунин И. А. Господин из Сан-Франциско // Бунин И. А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 4*. М.: Воскресенье, 2006. С. 75–93.
- Бунин, 2006d — *Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Бунин И. А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 5*. М.: Воскресенье, 2006. С. 5–249.
- Бунин, 2006е — *Бунин И. А. Окаянные дни // Бунин И. А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6*. М.: Воскресенье, 2006. С. 275–382.
- Бунин, 2006f — *Бунин И. А. Миссия русской эмиграции // Бунин И. А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 8*. М.: Воскресенье, 2006. С. 388–398.
- Бунин, 2017 — *Бунин И. А. Дневники 1881–1953 / под ред. Л. М. Суриса*. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 338 с.
- Соловьев, 2007 — *Соловьев В. С. Национальный вопрос в России*. М.: АСТ, Хранитель, 2007. 506 с.
- Степун, 2000 — *Степун Ф. А. Иван Бунин // Степун Ф. А. Соч. М.: РОССПЭН, 2000. С. 680–690*.

IVAN ALEXEEVICH BUNIN,
OR THE COMPLETION OF THE RUSSIAN CLASSICS*

Vladimir K. Kantor

DSc in Philosophy, Tenured Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities,
Laboratory Head. International Laboratory for the Study of Russian and European
Intellectual Dialogue. Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and
European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics”.
215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.
E-mail: vlkantor@mail.ru

Abstract. The article substantiates the general conclusion that a retreat in the field of mind is fraught with the death of the state. That was Pushkin and Bunin, as noted by the post-revolutionary Russian thinkers-exiles, following Lomonosov and Derzhavin, and to an infinitely greater degree than they, continued the work of Europeanizing Russia, the work of Peter I and Catherine the Great.

Keywords: Russia, Europe, A. Pushkin, I. A. Bunin, enlightenment, God as the main component of human existence, freedom, the state

For citation: Kantor, V. K., 2020. Ivan Alexeevich Bunin, or the Completion of the Russian Classics. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 3(4), 12–29.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-12-29

References

- Aldanov, M., 2007. Lenin. Politicheskaya biografiya [Lenin. Political biography]. In: Aldanov, M., *Sobranie sochinenii* [Collected works], 8 vols. Vol. 7. Moscow: TERRA. 453–605.
- Aldanov, M., 1996. *Ul'mskaya noch'* [Ulm night]. Moscow: Novosti.
- Bunin, I. A., 2006a. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], 13 vols. Vol. 1. Poems (1888–1911); Stories (1892–1901)]. Moscow: Voskresen'e.
- Bunin, I. A., 2006b. Derevnya [Village]. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], 13 vols. Vol. 2. Moscow: Voskresen'e. 279–388.
- Bunin, I. A., 2006c. Gospodin iz San-Frantsisko [Mister from San Francisco]. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], 13 vols. Vol. 4. Moscow: Voskresen'e. 75–93.
- Bunin, I. A., 2006d. Zhizn' Arsen'eva [Arseniev's life]. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], 13 vols. Vol. 5. Moscow: Voskresen'e. 5–249.
- Bunin, I. A., 2006e. Okayannye dni [Cursed days]. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], 13 vols. Vol. 6. Moscow: Voskresen'e. 275–382.
- Bunin, I. A., 2006f. Missiya russkoi emigratsii [Mission of the Russian emigration]. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], 13 vols. Vol. 8. Moscow: Voskresen'e. 388–398.
- Bunin, I. A., 2017. *Dnevnik 1881–1953* [Diaries 1881–1953], ed. by L. M. Suris. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
- Solov'ev, V. S., 2007. *Natsional'nyi vopros v Rossii* [The national question in Russia]. Moscow: AST, Khranitel'.
- Stepun, F. A., 2000. Ivan Bunin [Ivan Bunin]. In: Stepun, F. A. *Sochineniya* [Works]. Moscow: ROSSPEN. 680–690.

* The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University and funded by the Russian Academic Excellence Project “5-100”.